

А. ВАЛАНТЕЮС

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЛЮРАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

ВАЛАНТЕЮС Альгимантас - кандидат социологических наук, руководитель отдела теории и методологии Института социальных исследований, преподаватель кафедры социальной теории Вильнюсского университета.

Подвижные границы контекстуального знания

Вопросы *знания* в социологии, особенно на фоне критики "пост-" и "мета-" направлений и реакции на их интеллектуальные запросы, становятся едва ли не центральной темой острых дискуссий не только в национальных академических школах, но и в контексте социологии как дисциплины, развивающейся вместе с инновациями других социальных и гуманитарных наук. На этом пути возникают затруднения, связанные с вопросом, как развивается само понятие социальной теории. Идеальный тип "нормальной науки", долгое время применявшийся в ситуациях превосходства одного "правильного направления", в контексте сегодняшнего плюрализма требует пересмотра. Более того, демократическую ситуацию в социологии обновляют разные направления рефлексивной, критической теории и легитимация метатеоризирования как автономного направления.

Вместе с тем критически пересматриваются связи прежней социологии с "потребностями" военной и государственной бюрократий (например, с проблематикой "самоуравновешивающихся систем" структурного функционализма), сосредоточивая внимание на альтернативе: на том, чем "мир может отличаться от нынешнего мира" [1, с. 33]. Сосредоточение внимания на метатеоретическом и исторически-социальном уровне делает социологию более открытой и релятивизирует ее. Мир теории становится "широко открытым", но обязательно сливается с "хаосом" [2, с. 146]. С методологической точки зрения нельзя не видеть параллели между метатеоретическим движением и постмодернизмом: очевиден интерес к проблематике альтернативных границ, хотя метатеория старается понять себя как исторически содержательное движение, определить себя не только "за", но и "до".

Статус социологии, ее объект, проблемы смысла, практики, так называемой двойной герменевтики и т.д. все чаще обсуждаются в рамках постпозитивизма, который

не без основания развивает тезис, что предположения, модели, ценностные суждения, идеологические и утопические аспекты - неотъемлемая часть эмпирически ориентированной науки. Развивая логику этого тезиса, нельзя не заметить, что вопрос касается одного из самых важных постулатов классической (модернистской) науки - отделения "ценностных суждений" от "фактов". В контексте постпозитивизма, который в дискурсивную объяснительную форму включает комплекс контекстуальных факторов, "свобода от суждений" в итоге становится своеобразной "ценностью". Если даже не все согласны с такими идеями, которые пересматривают установившиеся методологические границы, выявляя мета-аспекты и биографические вертикали научных объяснений, все равно нельзя не понимать, что вопрос касается предпосылочной сферы теоретической и эмпирической социологии. Научному мышлению присущи ценностные и даже утопические элементы. По мнению Дж. Александера (в приписке к статье в журнале "Социологические исследования"), необходимы как общая критическая теория, так и развитие рефлексивных компонентов: "Хотел бы, чтобы моя статья была понята так: утопии - в качестве теории - могут сохраняться и жить, чтобы избежать тотализующих утопических схем, которые едва не погубили ВСЕХ нас" [3, с. 10]. Другими словами, фрагментация, плюрализм и дифференциация поощряют внимание не столько к сферам научной специализации, сколько к диалогическим, скептическим, дискурсивным, наконец, моральным сферам "справедливости".

Таким образом, *неопределенность* проникает в сферу предположений, и проясняется, что комплексный характер уровней анализа не должен ограничиваться описанием или абстрактных моделей, или эмпирических данных и обобщений. Приблизиться к эмпирической реальности помогает и проблематичное познание теоретических традиций и многообразных методологических компонентов. В этой связи возникает опасность ограничиться наблюдением социальной реальности, вместе с тем ошибочно отказываясь наблюдать "наблюдающее" - современные формы познания и критически пересматриваемые традиции классической социологии. Качественные сдвиги в рассмотрении условий знания усиливают внимание к проблемам рефлексивности.

Рефлексивность, т.е. самонаблюдение, и соответственно диалогичность в социологии позволяет применить комплексный подход - исторические и актуальные компоненты практики. Возможность наблюдать наблюдающего предполагает *сравнительный* и *перспективный* подход, из которого социологическое воображение черпали интеллектуалы от Ф. Ницше до Ч. Райта Миллса, А. Гоулднера, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана и др. Никто так глубоко не чувствовал ограниченный горизонт неисторического сознания и "удушающего" формализма, как Ницше, создавший форму *перспективизма*, отбрасывающего возможность объективной истины, но создающего затруднения, которые должна испытывать любая форма скептицизма: «Есть только перспективное зрение, существует только перспективное "познавание"; и чем больше аффектов будет участвовать в обсуждении предмета, чем больше глаз, различных глаз, сумеем мы пустить в дело для восприятия его, тем полнее будет наше "понятие" об этом предмете, тем больше будет наша "объективность"» [4, с. 104]. Перспективизм способен создавать новые диалогические формы, обретая реальную возможность многосторонних синтетических усилий, в которых нуждается сегодняшняя социология, разнообразные теоретические подходы, часто критически оценивающие конвенциональные принципы объяснения.

За всем этим кроется важная проблема взаимоотношения двух широких парадигм - модернизма и постмодернизма: если сравнивать с прежними этапами развития социологии, бросается в глаза, что сегодня усиливается недоверие правде "внешних" социальных фактов. Социология, как требовал Э. Дюркгейм и многие его последователи, как и физика, должна "как можно объективнее" установить внешние признаки своего объекта. Однако "объективные" признаки *репрезентации* могут иметь разное значение в разных контекстах. Неопределенность таких *репрезентаций* стимулирует понимание контекстуальных и прагматических аспектов академической деятельности. В последнее время интерес исследователей привлекают формы объяснения в социо-

логии, которые обсуждаются в рамках рефлексивных, скептических, дискуссионных аргументов, избегая замкнутости методологии и критически пересматривая ценностно-нейтральный и другие догматические принципы. Стоит подчеркнуть, что цель методологической рефлексии - усилить связь между теоретическими положениями и объектами этих положений, самокритически объяснить свои способы конструирования познания.

С пронизательностью и жизненностью, каковые присущи "различным глазам" познавательной деятельности, Дж. Александер говорит об "исключительном праве" классиков. Эта "исключительность" напоминает современным практикам, что работы предшественников столь же важны, сколько и исследования современников [5]. Что справедливо относительно классиков, справедливо относительно и *других*, современных подходов, без которых исчезла бы возможность сравнивать. Хотя сравнительный аспект давно применяется в социологии, сегодняшняя склонность к наблюдению наблюдающих создает важное отличие от прежних форм: если раньше подчеркивалась важность линейной, прогрессивной концепции познания, когда неадекватные элементы в процессе критической деятельности заменялись более "обоснованными" понятиями, нынешняя критика становится более относительной и рассматривает возможность соединять разные методологические подходы и теоретические компоненты. Такая модель предлагает динамический подход, включая аспекты изменчивости, случайности, временности, вероятности и социального конструирования. Тем не менее, если говорить об усилении рефлексивных компонентов, определяющих контекстуальные отношения и разрушающих "объективность" реалистического, "отражающего" взгляда на мир, можно утверждать, что в социологии открываются новые возможности, выявляющие двусторонние компоненты знания, которое в состоянии согласовывать фактичность и неопределенность, точные наблюдения реальности и конструктивизм. Социальная и историческая основа направляет взгляд к *ситуации* научной практики и помогает раскрывать пристрастность или идеологические элементы знания. Например Дж. Боман, обращая внимание на обнаруживающиеся проблемы *неопределенности* в социальных науках, делает вывод, который позволяет усмотреть благоприятные условия, связанные с нынешним, а может быть и будущим статусом социологии: "поворот к истории и к практическим формам выдвинул социальные науки в центр современной эпистемологии и философии науки. Все науки сейчас обоснованно характеризуются как исторические, социальные и саморефлексивные формы практики, включая и те социальные науки, из которых сформировалась само понятие социальной практики" [6, с. VIII]. Одной из главных черт теоретических новаций становится факт, что, определяя свои границы, они начинают понимать и *другие* познавательные категории в зависимости от выявления *специфических, случайных, относительных, неопределенных* сторон, которые обладают силой создавать условия *контекстуального* понимания.

Проблема социальной реальности

В контексте актуальных проблем выделяется, пожалуй, новое противоречие - следствие продолжающейся фрагментации социологии. С одной стороны, фрагментация открывает новые возможности, из которых вытекают передовые интеллектуальные движения, инновационные идеи и формы. С другой стороны, социологов (и не только их) волнуют негативные последствия фрагментации. В рамках этого противоречия осмысливается проблема *стандартизации* социологических понятий.

Проблематичность понятий в процессе фрагментации социологии и соответственно в определении познавательных принципов подтверждает обоснованность вопросов, которые, например, на страницах журнала "Социологические исследования" формулируются как проблема "социальной реальности": "В общении с читателем мы все чаще сталкиваемся с предложениями по-иному интерпретировать социальную реальность, выдвинуть принципиально новые идеи, обсудить весьма спорные вопросы.

В этой ситуации, на наш взгляд, следует исходить из того, что социологическое знание движется вперед благодаря постоянным и непрерывным попыткам установить соответствие между теоретическими и эмпирическими данными, между моделью и действительностью" [7, с. 3]. Как пишет М.О. Мнацакян, "наметилась тенденция усиления внимания отечественных социологов к человеческому измерению: подходу к предмету социологии через призму человеческих действий и взаимодействий, поведения" [8, с. 21]. В свете проблем стандартизации Ж.Т. Тощенко выдвигает предложение уточнять понятийный аппарат в социологии, обращая внимание на многовариантность, многоаспектность социального знания и отсутствие адекватного понимания [9, с. 3]. Б.С. Сивринов предлагает пользоваться термином "социальная квазиреальность", проявляя своевременный интерес к проблеме, адекватности квазиреальностей *действительной* реальности и возможности реакции на этот феномен [10, с. 40]. В связи с интересом к "неосознанной" или практической сфере человеческого знания Ю.Л. Качанов предлагает расширить формальную логику, базирующуюся на принципах деления, обобщения, ограничения и оставляющую без внимания отношения между "до-теоретическим" и "теоретическим" [11]. Е.С. Балабанова возвращается к актуальной проблеме отношения между "фундаментальными" и "прикладными" исследованиями, комплексности подходов, обращая внимание на возможные крайности "гиперкатегоризации" и "гиперэмпиризма", которые страдают неспособностью объяснить социальную реальность [12]. Предпринимаются попытки вернуться и к *позитивной социологии*, в основе которой лежат посылки об объективном характере изучаемых социальных процессов [13, с. 31]. Этот обзор проблем показывает актуальность проблем знания на современном этапе развития социологической мысли.

В этой связи стоит сказать об одном важном - междисциплинарном - аспекте, который отражает *реальности* современной науки. Особенно наглядно это видно в исторической социологии: "Проблемное поле исторической социологии аналогично полю социологии. В нем есть теоретические, методологические, методические, дисциплинарные, эмпирические и др. аспекты" [14, с. 119]. Возвращаясь к вышеуказанной теме "утопических" аспектов социальной теории, стоит указать на проблему *виртуальной реальности* как теоретизирования [15]. В свете выдвигаемых проблем хотелось бы рассмотреть вопросы, связанные с кризисом эпистемологии *реализма* и распадом понятия так называемой *репрезентации*.

Ортодоксальная социология большую часть внимания обращала на проблемы "социального порядка", "структуры", "системы" по образу и подобию "бильярдного шара" [16, с. 136]. Сегодняшние социологи склонны подчеркивать, что данная форма неспособна ответить на вопросы, которые предопределяют подвижные формы нынешнего мира. "Проблема порядка", которая у Т. Парсонса была подозрительно связана с симметрическими, вневременными и национально-ограниченными подсистемами, требует пересмотра. Мало того, определение проблемы "социального порядка" и их последствия поощряет нетолерантность: установление строгого порядка чаще всего связано с негативной классификацией, отделением и принуждением *другого*.

Проблемы *социального порядка* и *реализма* усложняются в процессе их пересмотра. Релятивизация нарастает, предпринимая усилия точнее определить "настоящее время". Критический пересмотр потенциально разлагает критерии взаимопонимания. Поэтому сегодня раздаются призывы построить синтетическую перспективу в социологии и развивать систему стандартизованных категорий, понятий и терминов. По словам Ж.Т. Тощенко, остро встает вопрос о восстановлении критериев научности: «Понятийный аппарат нашей науки "плывет", отчасти и потому, что мы отвыкли думать над исходной точкой анализа - теоретической и методологической базой" [9, с. 4]. На самом деле, как бы ни определялась деятельность социолога, она должна рассматривать *структурные* компоненты социальной реальности, охватывающие разные уровни сложности, и соединять их между собой. Абстрактность теории и ее *отдаление* от повседневного опыта, кстати, часто определяющие негативное отношение к теории-

ческой деятельности, должны оцениваться в системном и разностороннем контексте, связывающем часть и целое, непосредственный опыт и структурные компоненты.

Отношение части и целого - индивида и общества, группы и общества, социально-го действия и социальной структуры, инновации и традиции является одним из главных и реалистических отношений, предлагающих рассматривать разные аналитические уровни конкретного социального феномена, в лучшем случае согласовывая их с подходами смежных дисциплин. По мнению Н. Смелзера, специализация отдельных сфер социологии может быть и неспособна построить теоретические схемы по образцу XIX в.; в ближайшие десятилетия должны нарастать синтетические усилия [17, с. 8; также см. 18, с. 7]. Последнее предположение, касающееся разносторонних, но и объединительных теоретических перспектив, отчасти оправдывают синтетические (с первого взгляда даже эклектические) теории как *теория структуризации* Э. Гидденса, *теория коммуникативного действия* Ю. Хабермаса или *когнитивная эстетика* Р. Гарви Брауна, предоставляющие ресурсы для метакатегорий, которые определяют разные символические системы как одинаково "реальные". В этом отношении и наука, и искусство охватывают рациональные критерии экономичности, сопоставления, последовательности, элегантности, оригинальности и объема. Эти критерии помогают организовать опыт и определять формальные структуры, составляющие "знание" [19, с. 1-4].

Иначе говоря, не только основательно рассматриваются теоретические принципы модернизма, но и накапливается критический материал для новых форм синтетических и "эклектических" теорий. Положения постмодернизма, по существу, имеют свои истоки в теориях модернизма. Например, Ю.Н. Давыдов обнаруживает звено, связывающее марксистскую и неомарксистскую мифологему с мифологемой постмодернистской в некую *непрерывную* цепь *единой* идейной традиции [20, с. 9-10]. Добавлю, что, уклоняясь от исторически-оценивающего взгляда, который в состоянии дополнить "революционные" настроения новых направлений, социология утрачивает чувство границ, напоминаящее об относительности скептицизма и диалогичной природе интеллектуальных традиций.

Предполагаемый кризис плюралистического знания

Вопросы знания, проблемы "реальности" и множественности "нейтральных" точек отсчета становятся актуальнее не только для теории, конвенциональная форма которой сегодня обозначает множество конфликтующих теорий, но и для повседневности, где обостряется проблема выбора, которую стараются регулировать разные эксперты, специалисты по рекламе и другие представители знания, часто делая противоречивые выводы и, таким образом, поощряя вопросы о доверии к *любой* сфере знания. Такие условия готовят скептическое восприятие границ внешней реальности. Одной из причин такой ситуации является усиливающаяся рефлексивность: по словам Э. Гидденса, доверие к экспертизам есть не только *пассивное овладение* жизненным миром, где все частные суждения подменяются примерами технической экспертизы. Скорее наоборот, *активное* вовлечение доверяющего лица в эти процессы формирует возможность функционирования любых систем [21, с. 144]. Таким образом, уточняется точка отсчета социальной теории и условий "поздней современности". Это - активный индивид, который свои действия включает в социальную структуру, учитывая наблюдаемый поток деятельности. В этом отношении дополняющую роль играет понятие *двойной герменевтики* как столкновение двух фонов смысла, взаимодействующих между акторами повседневности и мета-языком ученых. Это - постоянный "разрыв" (указанных аспектов), присущий практике социальных наук [22, с. 374]. Двойная герменевтика связывает понятия социолога и понятия повседневности, показывая, что социальная теория обязательно является критической теорией, которая старается обнаружить динамику социальной реальности. Более того, ее понятия становятся частью социальной реальности, меняя природу этой реальности. Структура предполагает более "внутренний" и многоаспектный подход к повседневности, чем

"внешние" социальные факты, определяемые по Дюркгейму. Метод опросов пренебрегает сферами *предполагаемого* знания, игнорируя *неопределяемые* последствия человеческой деятельности. Но последнее дополнение разрешает Гидденсу утверждать, что программа, формулирующая сеть аналитических законов, является потенциально отчужденной программой, потому что всякое обобщение действует как синтез определенных и неопределенных результатов действия и, следовательно, должно исследоваться эмпирически, отказываясь от формулирования универсальных, фиксированных и строгих связей [23, с. 100-3]. Гибкие понятия, не отказываясь от основных социологических традиций, в состоянии критически пересмотреть эти традиции, дополняя их достижения подходами микросоциологии и соприкасаясь с понятиями постмодернизма. Например, понятие *структуры* связано с *практическим сознанием*, которое состоит из связей "предполагаемого знания", указывающего на то, что познающие индивиды воссоздают социальную систему. Большое внимание уделяется "простому" действующему лицу и предполагаемому признакам его/ее практического сознания: "Теория структуризации мало что стоила, если не помогла бы рассматривать проблемы эмпирического исследования" [22, с. XXIX]. Таким образом, проясняется, что даже с точки зрения чистого познания *отношение к реальности* (репрезентация) предполагает двойную связь: с одной стороны, важно развивать принципы, связанные с обоснованием, доказыванием и эмпирической проверкой, с другой - выявляется *относительность* таких обобщающих форм. Более того, в этих процессах участвует и индивид, который, воссоздавая социальные структуры, пересматривает границы знания. Постановка этих вопросов актуализирует внимание к аспектам повседневности, возникающим из форм социальной и моральной аргументации, отдаленных от научного познания.

Вместе с тем, уменьшается разрыв неэмпирических утверждений и эмпирических наблюдений: с одной стороны, предпринимаются усилия отказаться от застарелых догм академической деятельности - бесспорной объективности, фетишизации статистики, таблиц, результатов измерения и т.д.; с другой стороны, внимательнее оцениваются все уровни научной работы, что позволяет избежать замкнутости интерпретаций любого рода абстрактности. Таким образом, идея методологической комплексности есть некая "обреченность" сегодняшней социологии на фрагментацию, которую она в состоянии разрешить в силу единых способов познания. Применяя инструменты анализа к самой науке, социология становится рефлексивнее. Рефлексивность не определяет "полезной" точки зрения. Отвергается только *привилегия* пред-теоретических посылок, бесспорной системы координат и поощряется методическая инициатива разносторонне рассматривать все "натуральные" факты. Рефлексивность побуждает и новые определения объекта: "Я убежден, - утверждает С. Сэдман, - что задача социологии состоит не из накапливания знаний, не из развития науки об обществе или формирования социологической системы, но из постоянного разговора и разногласия, касающегося нынешней или будущей формы социальной реальности" [24, с. IX].

Возрос интерес к теме *морального самосознания* в социологии: ее, кажется, нельзя представить без повышенного интереса к той черте, которую можно назвать "неравнодушным разговором", отчасти исходящим из противоречий между традиционными основами социологии и постмодернизмом, включающих социальные и контекстуальные стороны академической деятельности, выявляющей рефлексивные аспекты методологических разногласий. И процессы структуризации рассматриваются в рамках синтетических усилий, которые отвергают фундаментальные антиномии между методологическим индивидуализмом и методологическим холизмом, действием и структурой микро- и макро-сферами, "реальностью" и фикцией". Как подчеркивает П. Штомпка, преобладавшие непроблематичные объяснения - действий через структуры - получают статус объяснений первого порядка; над ними надстраиваются объяснения нового типа - структур через действия [25, с. 12]. В связи с этим повышается интерес к новым темам. По словам П.В. Романова, ученые осваивают роль социальных критиков [26, с. 32].

Во-первых, сегодня, кажется, никто не сомневается в фрагментации социологии. Усиливаются опасения, что разные ориентации, соревнуясь между собой, могут ослабить внутренние ресурсы дисциплины (например, социологи могут потерять способность формулировать общепризнанные понятия). Во-вторых, постпозитивизм или постэмпиризм в философии науки выявил формы релятивизма, что влечет за собой ряд неразрешенных методологических и так называемых мета-научных проблем. В-третьих, постепенно осознается, что микросоциологические течения: этнометодология и символический интеракционизм - бросают вызов традиционным принципам социологии. В-четвертых, постструктурализм и постмодернизм стали "сомневаться" в социальной теории, которая постоянно конструирует (кстати, она и не может иначе) "большие нарративы", т.е. попытки поместить многоаспектный исторический процесс в *одну* объяснительную схему. В-пятых, социология осознает себя частью жизненного мира и начинает всматриваться в свои *укоренившиеся* положения и ориентации. Другими словами, распространяется точка зрения, согласно которой объясняющие формы социологов должны вовлекаться в социологический анализ, а социологическая система координат не должна быть "натуральным" пространством познания, выявляющим некую "объективную" структуру. Наоборот, такое пространство есть социально сконструированное знание, которое определяет соответствующую рефлексивную (текстуальную, историческую, биографическую) методологию, связанную не только с дискурсивным, но и практическим сознанием, выявляющим правила, воплощенные в социальных действиях, жестах, "методах" обыденного знания. Плюрализм влечет за собой явления: амбивалентность, неопределенность, относительность, - которые сегодня становятся критическими категориями, предполагающими доброжелательное или недоброжелательное отношение к новому "эпистемологическому перевороту".

Усилия еще раз определить статус социологии, ее объект и темы возобновляет интерес к проблеме отношений между теоретической и эмпирической частями социологии. Сегодня актуально (имея в виду противоречивое отношение между теоретической и эмпирической социологией) полтора десятилетия назад сделанное замечание Б. Мулана, когда он обратил внимание, что Дж. Рекс вовсе "не чересчур циничен", когда говорит, что практикующие социологи, кажется, даже не начинают понимать вопросы, которые рассматривает, например, Гидденс, несмотря на то, что Гидденс представляет самое значительное достижение английской социологии [27, с. 5]. Иначе говоря, декларации о симметрии двух важных частей социологии сопутствует внутреннее обособление тех же частей социологической работы.

С одной стороны, часто обоснованно подчеркивается необходимость проверки теоретических положений на эмпирическом материале. Иногда даже говорится, что «обязательным критерием принадлежности к "цеху" социологов должно быть систематическое проведение собственных социологических исследований» [12, с. 12]. С другой стороны, несмотря на желание подчеркнуть эмпирически ориентированную сторону социологии, приведенный критерий в некотором смысле односторонен и категоричен. Во-первых, применяя этот критерий, мы были бы вынуждены отлучить от "церкви социологии" многих социологов. Во-вторых, вовсе не излишни уточнения, говоря о каждом конкретном случае, который имеет свою специфику. Социологическая "проверка" может быть тесно связана и взаимодействовать с "данными" истории [14; 31]. Теоретические понятия могут быть успешно применяемы при анализе конкретных случаев. Это показал Дж. Александер, виртуозно применяя к анализу "Уотергейта" теоретические понятия Дюркгейма [28]. Социологические понятия имеют комплексные преемственные связи, а их применение влияет на результаты "подлинной" деятельности социолога.

В контекстуальном отношении *не в меньшей степени* важно сосредоточить внимание на мета-теоретическом уровне, т.е. систематическом исследовании социологических теорий как относительно самостоятельную и важную сферу, от которой зависят и результаты научной деятельности. Нередко удивляет, что не только эмпирики и практики, но даже теоретики сопротивляются эмпирическому исследованию теорий

как феноменов, на которые влияют другие социальные и познавательные процессы [29, с. 13]. Столь же важно сфокусировать внимание на предпосылочном уровне, который в состоянии избежать эмпирической проверки, потому что самые общие предположения "несравнимы", т.е. нет "потусторонних" эмпирических критериев, которые разрешили бы потенциальные конфликты в сфере предположений. Но систематическое уточнение контекстуальных обстоятельств не значит, что социология должна стремиться, например, к однородности. Наоборот, когда мы задаемся целью понять контекстуальные аспекты эмпирически ориентированной науки, то понимаем, что вопросы понимания и объяснения связаны с *разными* уровнями методологического порядка (добавим, что этот уровень сводится к методическим правилам). "Натуралистический" подход, который помогает узаконить методические правила одного уровня как направление исследований, склонен "забывать" проблему виртуальных реальностей и объявить реальным один уровень, например, утверждая, что *подлинной* научной деятельностью является процесс эмпирической проверки, направленный на усовершенствование метода и предлагающий отказаться от теоретической "софистики", которая "отдаляет" от реальности. Эмпирическая ориентация социальных наук составляет важное *ожидание*, с которым связано возникновение этих наук и интерес к ним. Однако недоверие к теоретическим дискуссиям и диалектическим формам аргументации по тем же самым правилам методической работы ограничивает влияние на относительно самостоятельную природу разных уровней анализа (зачем дискуссии, если имеем научный метод, который открывает объективные факты, "более объективные", чем любые аргументы!). Трудно не заметить, что все больше и больше ограничиваясь уточнением правил и "обработкой" данных, сужается и обедняется статус *самых эмпирических данных*. Уклонение от методологических дискуссий вынуждает большее внимание уделять *специфическому* отрезку научной деятельности. Формируется замкнутый круг, который считается узаконенным потому, что долго вращается вокруг своей оси.

Поощряя социологию отделиться от философии и превратиться в "истинную науку", мы, кажется, осуществляем процедуру, которую Г. Зиммель называл "ошибкой обособления". Иными словами, одну сторону взаимодействия отрываем от другой, заявляя, что назначение социологии - осуществлять установленные "нормальные" (в смысле, употребляемом Т. Куном) процедуры. Такая направленность создает навыки и предоставляет осязаемые результаты, но сужает взгляд, отказываясь сомневаться в своих предположениях и теоретических границах (потому, что говорят на "натуральном языке"). Однако, как показали дискуссии о позднем Виттгенштейне, простые интенциональные действия связываются со смыслом тогда, когда вовлекаются в более широкую среду действия, в правила общих жизненных форм. Но и эти правила вовлекаются в более широкие культурные традиции и социальные отношения, которые объясняются при помощи социальных и исторических факторов. Эта аргументация подчеркивает, что социология вряд ли сможет уклониться от дискуссий о природе социальных феноменов. Следовательно, отношения между социологией и эпистемологией должны углубляться. Если то, что должно быть принято как данность, есть *жизненные* формы, то назначение эпистемологии - понять то, что входит в понятие жизненных форм. Ошибочно считать, что социология "когда-нибудь" переживет "временное состояние" философских сомнений. Как показал П. Винч, главная социологическая проблема природы социальных феноменов относится к философии [30].

В рамках понимания социального или символического конструирования реальности понятия становятся более гибкими, динамичными, склонными пересматривать границы, определять значения, усматривать ресурсы практического сознания и развивать неосознанные пока познавательные возможности. Трудно найти современные теории, которые не придавали бы значения более комплексным пространственным и временным аспектам социальной реальности.

В классической социологии правила научного метода связаны с усилиями узаконить правила игры, которые, как и в физике, должны "как можно объективнее" уста-

навливать *внешние* признаки своего объекта [31, с. 60-61]. Понятная склонность (с точки зрения первопроходцев) создать науку "не хуже других" и склонность к интеллектуальной амнезии пробудили потребность в радикальном методологическом *разделении*, которое может оценить прежде всего *научные* претензии дисциплины. По словам Дюркгейма, наука окончательно создается только тогда, когда становится независимой, когда объект исследования науки - "категория фактов, не исследуемых другими науками" [31, с. 143]. Такая методологическая предпосылка помогает узаконить и развивать социологию как науку, которая, подобно Колумбу, провозглашает о новой земле *sui generis* и создает обязательные для своей деятельности методические инструменты.

Стоит добавить, что самая долговременная *функциональная* модель узаконила нормативный пример "социального порядка". Таким образом, ориентация на довольно замкнутую сферу методологических правил определила границы и требования, односторонность которых почувствовалась в последние десятилетия, развиваясь в новых формах рефлексивной социологии и микросоциологии, сомневающих в обоснованности прежних нормативных постулатов. Имея в виду антипарсонские тезисы в 1970-1990-х гг. (и важные для моей темы понятия "рефлексивности" и "индексов" ученика Парсонса Г. Гарфинкеля), можно утверждать, что эти противоречия были потенциальными зачатками позднейших альтернативных направлений. Следовательно, "необычный поворот" в социологии, связанный с развитием многопарадигмальной модели, кажется необычным лишь с первого взгляда. Некий парадокс, отмеченный в четырехтомном произведении Дж. Александра "Теоретическая логика в социологии", является точкой отсчета этого методологического поворота: "Социология никогда не будет представлять абсолютного консенсуса, несмотря на это, она должна развивать общую и синтетическую теорию" [32, с. XV]. Это переход от правил, определенных одной преобладающей моделью, к неопределенности, релятивизму. Недостаточно сказать, что подходы Дюркгейма и Александра не похожи, с точки зрения методологии они радикально отличаются. С точки зрения Александра (и вообще постпозитивизма) "нейтральный" социолог тесно связан со своей социальной средой, следовательно, ценности, цели, общие положения, критерии так называемой операционализации и идеологические положения являются неотделимыми элементами конструирования теорий.

Сегодня можно говорить о противоречивом отношении между сторонниками операционализации-репрезентации и сторонниками релятивизма и плюрализма (реляционизма). Реалисты обычно указывают на *объективные* значения исследуемого предмета, которые устанавливаются методическими операциями. Обоснованность репрезентаций в большинстве случаев связывается с эмпирической проверкой, которая в основном уклоняется от комплексных контекстуальных уровней аргументации. Направление реализма, научные принципы которого усовершенствовали разные волны позитивизма, прежде всего интересовалось методом: чем совершеннее метод, тем менее сомнительны факты внешней реальности. Несмотря на противоречие (самый совершенный метод может быть относительно далек от реальности), эта посылка "натурально" стала бесспорным убеждением.

Релятивизм утверждает, что ни один метод познания реальности не имеет преимущества - разные люди по-разному познают реальность, само познание связано с убеждениями познающего и факторами социального контекста. Уже по этой причине знания нельзя представить как постоянное скопление объективных научных данных. *Релятивизм* признает множество теоретических контекстов отсчета, но, как отмечал К. Маннгейм в "Идеологии и утопии", этот (плюралистический) подход сближается с реалистической концепцией, подчеркивающей статус знания как абсолютной правды, "забывая" рассматривать относительные (реляционные) аспекты. Плюрализм (реляционизм), подчеркивая существующие контекстуальные связи, старается *оценить* методологические проблемы разных подходов в объяснении. В рамках этой парадигмы отчасти действует критерий *интерсубъективности*, а понятия, значения и смысл со-

циологических истин определяются не только эмпирическим уровнем, но и диалогической аргументацией, выявляющей элементы классических принципов и нынешних подходов. Представители плюрализма (к ним можно отнести постмодернистов как мультидискурсивный феномен) склонны рассматривать отношения между *социальными фактами и ценностями*, стараясь ответить на вопрос: как специфические группы людей создают разные системы знания? Стоит добавить, что как релятивисты, так и плюралисты большое внимание уделяют понятию рефлексивности.

Итак, плюрализм стремится: 1) отказаться от односторонней определенности натуралистических репрезентаций, универсальности отдельных методов и концепций социологической деятельности; 2) усилить роль практической, критической и рефлексивной сторон, которые постепенно сближают социологию и эпистемологию; 3) рассматривая относительность знания, определять не только предпосылочные сферы как эмпиризма, так и рационалистического реализма, но и методологическую проблематичность эмпирических или теоретических репрезентаций; 4) хотя усиливается тема релятивизма, выявляющая критический подход к объективности научных положений, плюрализм, уклоняясь от постоянного движения по орбите множественности "объективных" точек отсчета, не отказывается от своей теоретической функции, которая требует *интерсубъективных* (в смысле К. Поппера) навыков, т.е. коллективно согласованных процедур, рассматривающих фактические противоречия. В этом отношении оригинальные и нестандартные подходы постмодернизма, как и пересматриваемые традиции социальных теорий, кажется, имеют возможности расширить инструменты знания, обогащаясь новыми способами понимания и объяснения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bauman Z., Tester K.* Conversations with Zygmunt Bauman. Oxford. 2002.
2. *Ritzer G.* Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization. New Delhi. 2001.
3. *Александр Дж.* Прочные утопии и гражданский ремонт // Социол. исслед. 2002. № 10.
4. *Ницше Ф.* Генеалогия морали. Pamфлет / *Ницше Ф.* Избранные произведения. Кн. 2. М., 1990.
5. *Alexander J.* Sociology and Discourse: On the Centrality of the Classics / *Alexander J.* Structure and Meaning. Relinking Classical Sociology. NY, 1989.
6. *Bohman J.* New Philosophy of Social Science. Problems of Indeterminacy. Cambridge, 1991.
7. *Тоценко Ж.Т.* К читателю // Социол. исслед. 2003. № 1.
8. *Мнацаканян М.О.* Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность (О природе предмета социологической науки) // Социол. исслед. 2003. № 2.
9. *Тоценко Ж.Т.* О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2002. № 9.
10. *Сивиринов Б.С.* Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? // Социол. исслед. 2003. № 2.
11. *Качанов Ю.Л.* II Что такое социологическая теория? // Социол. исслед. 2002. № 12.
12. *Балабанова Е.С.* О комплексном характере социологических исследований. // Социол. исслед. 2002. № 10.
13. *Кирдина С.Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социол. исслед. 2002. № 12.
14. *Романовский Н.В.* Историческая социология: проблемы и перспективы // Социол. исслед. 2002. № 10.
15. *Ионин Л.Г.* Новая магическая эпоха. В кн.: Постмодерн: новая магическая эпоха (под ред. Л. Ионина). Харьков. 2002.
16. *Cantell T. Pedersen.* Modernity, postmodernity and ethics - An interview with Zygmunt Bauman // Telos. 1992. Issue 93.
17. *Smelser N.J.* Sociological Theory: Looking Forward // American Sociologist. 1990. Vol. 21, Issue 3.
18. *Wallace W.E.* Standardizing basic concepts in sociology // American Sociologist. 1990, Winter, Vol. 21, Issue 4.
19. *Brown R.* A Poetic for Sociology. Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences. Chicago, 1977.
20. *Давыдов Ю.Н.* Патологичность "состояния постмодерна" // Социол. исслед. 2001. № 11.

21. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge - Stanford, 1990.
22. *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge - Berkeley, 1984.
23. *Mullan B.* Anthony Giddens / *Mullan B.* ed. Sociologists about Sociology. L. 1987.
24. *Seidman St.* Contested Knowledge. Social Theory in the Postmodern Era. Oxford - Cambridge, 1994.
25. *Штомпка П.* Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социол. исслед. 2001. №9.
26. *Романов П.В.* Микроуровень социальной реальности. Возможности междисциплинарного подхода // Социол. исслед. 2002. № 3.
27. *Mullan B.* (ed.) Sociologists about Sociology. L., 1987.
28. *Alexander J.C.* Culture and Political Crisis: 'Watergate' and Durkheimian Sociology / *Alexander J.C.* Structure and Meaning. Relinking Classical Sociology. NY, 1989.
29. *Ritzer G.* Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization. L. - New Delhi, 2001.
30. *Winch P.* The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy. L., 1990 [1958].
31. *Durkheim E.* Sociologijos metodo taisykles (Правила социологического метода). Vilnius, 2001.
32. *Alexander J.* Theoretical Logic in Sociology. Vol. 1: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies. L., 1982.